

женія наукъ и зря не «раздавалъ» себя людямъ. Но гдѣ только видѣлъ цѣль сколько нибудь достойную жертвы, — отдавалъ свое время и свои силы съ такой щедростью, которая встрѣчается не

часто. Имѣвшіе счастье быть его учениками теряютъ въ немъ не только учителя, но и преданнаго, вѣрнаго, всегда готоваго на жертвы друга.

С. Конь.

Посмертныя произведенія Толстого

Въ журналахъ «На Чужой Сторонѣ», «Современныя Записки», «Новый Міръ», въ зарубежныхъ газетахъ, а также въ отдѣльномъ изданіи «Задруги» появились неизвѣстныя до сихъ поръ произведенія Л. Н. Толстого. Еще трудно оцѣнить по достоинству этотъ подарокъ, — опубликована пока только небольшая часть рукописей. Кое-что можно, однако, сказать уже и теперь.

Не приходится забывать разницу между книгами, выпущенными съ согласія Льва Николаевича при его жизни, и такъ называемыми посмертными произведеніями. Ничего равнаго шедеврамъ Толстого въ оставленныхъ имъ рукописяхъ пока не нашлось, скорѣе всего и не найдется. Но за рѣдкими исключеніями (какъ комедія «Зараженное Семейство»), во всѣхъ нынѣ вышедшихъ его произведеніяхъ есть страницы превосходныя, порою поистинѣ изумительныя.

Напечатанный съ предисловіемъ Т. И. Полнера главы романа изъ времени Петра I въ художественномъ отношеніи, быть можетъ, менѣе интересны, чѣмъ въ нѣкоторыхъ другихъ. Въ работѣ надъ этимъ романомъ Толстой очевидно старался найти новую литера-

турную *) форму. Достаточно сказать, что одинъ изъ вариантовъ написанъ гекзаметромъ, причемъ на поляхъ рукописи, какъ сообщаетъ Т. И. Полнеръ, выписаны для образца латинскія гекзаметры съ размѣткой удареній, короткихъ и долгихъ слоговъ! Никакихъ новыхъ формъ Толстой, однако, въ своемъ «Петрѣ» не нашелъ. Изъ гекзаметровъ ничего не вышло, а въ другихъ мѣстахъ стиль романа порою сбивается на что-то отнюдь не новое въ высшей степени чуждое Льву Николаевичу, — на слогъ не то «Князя Серебрянаго», не то «Юрія Милославскаго»: «То царей, мало что одинъ, три — съ царевной было, а теперь ни одного у насъ, сиротъ, на Москвѣ не осталось. Закатилась наша солдашко, забубенная головушка. Теперь, я чаю, уже въ Воронежѣ буровить. Охъ, подумаю, Аникитѣ Михайлычу нашему воеводство на Воронежѣ не по-

*) Впоследствии Толстой отнесся очень подозрительно ко всякимъ исканіямъ новыхъ формъ въ искусствѣ. Онъ говорилъ съ насмѣшкой объ Ибсенѣ: «У него вѣдь, кажется, въ каждой пьесѣ кто-то поднимается на гору?»

любится. Разожжетъ его тамъ наше Питеръ - дитятко! — такъ говорилъ Головинъ Федоръ Алексѣвичъ у себя на дому, угощая гостей, Лефорта Франца Яковлевича, Рейнина - старика, князя Иванъ Борисыча, и Голицыныхъ двухъ, Князя Борисъ Алексѣича и князя Михаила Михайлыча. Домъ Головина былъ большой деревянный новый, на Яузѣ. Головинъ зачалъ строить его послѣ похода въ Китай. И въ Москвѣ не было лучше дома и по простору и угодыямъ, и по внутреннему убранству. Федоръ Алексѣичъ много изъ Китая привезъ штофовъ дорожныхъ, ковровъ, посуды, и разубралъ всѣмъ домъ. А Аграфена Дмитревна, мать Федора Алексѣича (она была изъ рода Апраксиныхъ) собрала домъ запасами изъ Ярославской да изъ Казанскихъ вотчинъ».

Кто бы могъ повѣрить, что это написалъ Л. Н. Толстой, въ промежуткѣ времени между «Войной и Миромъ» и «Анной Карениной»! Надо, впрочемъ, твердо помнить, — все это лишь черновики. Есть въ нихъ и нѣкоторыя противорѣчя, и художественныя подробности по меньшей мѣрѣ, неправдоподобныя (вродъ того, что Шакловитый, только что снятый съ дыбы, первымъ дѣломъ говорить «Дайте поѣсть»). Удивляться приходится тому, какія чудесныя страницы оказались въ черновикахъ Льва Николаевича. Какъ хороша, напримѣръ, сцена, въ которой Алексѣй Щепетьевъ бросается въ воду за шапкой царя. Жутко, съ неподражаемымъ искусствомъ, описанъ самъ Петръ. «Лока шелъ царь, Алексѣй оглядѣлъ его всего и запомнилъ такъ, что покажи ему

потомъ одну ногу царскую, онъ бы узналъ ее. Замѣтилъ онъ въ лицѣ скулы широкія и выставленныя, лобъ крутой и изогнутый, гла за черные не блестящяе, но свѣтлыя и чудные, замѣтилъ ротъ, безпокойный, всегда подвижный, жилистую шею, бѣлизну за ушами, большими и неправильными, замѣтилъ черноту волосъ, бровей и усовъ, подстриженныхъ, хотя и малыхъ, и выставленный широкий съ ямкой подбородокъ, замѣтилъ сутуловатость и нескладность, костлявость всего стана, огромныхъ голеней, огромныхъ рукъ и нескладность походки, ворочающей всѣмъ тазомъ и волочащей одну ногу. Замѣтилъ больше всего быстроту, неровность движеній и такую же неровность голоса, когда онъ началъ говорить. То онъ басилъ, то срывался на визгливые звуки. Но когда царь засмѣялся и не стало смѣшно, а страшно, Алексѣй понялъ и затвердилъ царя навсегда. — Рѣчь Толстого здѣсь становится умышленною косяноязычною — важный признакъ: со своимъ изумительнымъ чутьемъ языка Левъ Николаевичъ нерѣдко становился «косноязыченъ» въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ это было ему нужно для достижения особенной силы выраженія. Въ этомъ описаніи уже смутно чувствуется тотъ Петръ, которому впоследствии, на старости, Толстой посвятилъ страшную страницу, единственную по силѣ ненависти въ мировой литературѣ*). Чув-

*) «Бѣснующійся, пьяный, стннвшій отъ сифилиса звѣрь четвергъ столѣтія губить людей, казнить, жожетъ, закапываетъ живыхъ въ землю, заточаетъ жену, распутница

стается яростное желаніе разбить вдребезги фигуру Петра Великаго. Во имя чего? Въ пору созданія этого загадочнаго романа мысль Льва Николаевича, повидимому, колебалась особенно мучительно. Съ любовью, кажется, описываются имъ «хищники», — удалой стрѣлецъ Обросимъ Петровъ или князь Борисъ Голицынъ, одинъ изъ бояръ, пытающихся Шакловитаго. Ихъ ли предполагалъ художественно противопоставить Петру Толстой? Читая отрывки, склоняешься понемногу къ такому предположенію — и вдругъ бѣшенный морально-эстетическій скачекъ къ старому мужику дядѣ Евстигнею, съ его Каратаевской философій, еще много усиленной по сравненію съ образцомъ «Войны и Мира». Старикъ этотъ чрезвычайно благодушно и даже весело рассказываетъ своему крестнику, какъ его истязалъ управляющій Андрей Никитичъ : «Повели меня въ ригу. Ложись! Принялись пороть. Двое держать, двое стегаютъ. Намъ-вамъ, намъ-вамъ. Только поворачиваешься. Сказывай! Что сказывать? Ничего боль-

еть, мужеложествуетъ, пьянствуетъ, самъ, забавляясь, рубить головы, кощунствуетъ, ѣздитъ съ подобіемъ креста изъ чубуковъ въ видѣ дѣтороднаго члена и подобіемъ Евангелія — ящичкомъ съ водкой, славить Христа, т. е. ругается надъ вѣрою, коронуетъ б... своего и своего любовника, разоряетъ Россію, казнить сына и умираетъ отъ сифилиса, и не только не поминаютъ его злодѣйствъ, но до сихъ поръ не перестаютъ восхвалять доблести этого чудовища и нѣтъ конца всякаго рода памятниковъ ему».

ше не знаю. Клади еще! Наши -ваши. Такъ-то отбузовали, что на кафтанѣ снесли. Да это бы ничего. Побой не на мѣѣ, на немъ остались. Нѣтъ, собака, разорилъ въѣдъ. Взялъ во дворъ : послалъ жену кирпичъ бить, а меня въ болото канаву копать, горно обжигалъ, самъ топилъ. Что-же, прошло время, самъ же помиловалъ, отошло у него сердце». — Все это, послѣ событій памятнаго десятилѣтія, звучитъ, какъ у насъ теперь выражаются, «неубѣдительно». Но во всякомъ случаѣ на моральномъ контрастѣ царя Петра съ дядей Евстигнеемъ было трудно создать историческій романъ. Толстой его и не создалъ. Мы такъ и не знаемъ, что именно онъ хотѣлъ сказать.

Я не останавливаюсь по недостатку мѣста ни на «Казакахъ», ни на прелестной главѣ «Дѣтства». Перехожу къ тому, что слѣдуетъ признать самымъ замѣчательнымъ изъ всего до сихъ поръ опубликованнаго наслѣдія Толстого. Это изданные проф. Грузинскимъ варианты и конспекты «Войны и Мира.»*) Въ нихъ есть страницы, равныхъ которымъ не могъ бы создать ни одинъ другой писатель. Но и у этихъ изумительныхъ страницъ есть коренной порокъ : ихъ затмило то, что вышло изъ нихъ впоследствии. Быть можетъ, здѣсь отчасти дѣйствуетъ и нѣкоторая сила нашего читательскаго консерватизма : «Война и Миръ» — величайшее произведеніе мировой литературы;

*) Они мѣстами переходятъ въ сокращенный рассказъ о томъ, что должно слѣдовать дальше (до вольно обычное явленіе въ рукописяхъ писателей).

эта книга — совершенство, а всякое отступление от совершенства неприятно. Зачѣмъ намъ другой Андрей Болконскій, хотя бы и превосходно по другому задуманный?

Я, разумеется, не стану рассказывать содержаніе вариантовъ, — отсылаю къ нимъ тѣхъ, кто еще ихъ не читалъ. Укажу лишь, что, помимо своихъ художественныхъ достоинствъ, они чрезвычайно интересны и въ другомъ отношеніи. «Вы не можете себѣ представить, — писалъ въ 1864 году Фету Левъ Николаевичъ, — какъ мнѣ трудна эта предварительная работа глубокой пахоты того поля, на которомъ я принужденъ сѣять. Обдумать и передумать все, что можетъ случиться со всѣми будущими людьми предстоящаго сочиненія, очень большого, и обдумать миллионы возможныхъ сочетаній для него, чтобы выбрать изъ нихъ одну миллионную — ужасно трудно». По напечатаннымъ вариантамъ читатель можетъ догадываться (только догадываться), почему одно сочетаніе Толстой предпочиталъ другому. А сочетаній дѣйствительно было передумано много. Достаточно сказать, что по одному варианту и Андрей Болконскій, и Петья Ростовъ оставались живы, Наташа выходила замужъ за князя Андрея, княжна Марья — за Николая, обѣ свадьбы игрались въ одинъ день въ Отрадномъ, затѣмъ мужа снова уѣзжали на войну, входили съ арміею въ Парижъ, — и весь романъ долженъ былъ называться «Все хорошо, что хорошо кончается». Нетрудно понять, что на этомъ вариантѣ Левъ Ни-

колаевичъ останавливался недолго. Но въ измененіяхъ деталей есть богатѣйшій матеріалъ для сужденія о задачахъ, мысляхъ и пріемахъ Толстого. Приведу только одинъ примѣръ. Въ одномъ изъ вариантовъ, Пьера Безухова въ масонство обращалъ не Баздѣвъ, а тотъ итальянскій аббатъ (окончательно названный Моріо), который появляется въ первыхъ главахъ романа. Это въ смыслѣ «архитектоники» было, пожалуй, выгоднѣе: съ аббатомъ Моріо въ «Войнѣ и Мирѣ» больше ничего не сдѣлано, — онъ исчезаетъ послѣ вечера у Анны Шереръ. *) Быть можетъ поэтому Толстой отказался въ окончательной редакціи отъ тѣхъ превосходныхъ художественныхъ черточекъ, которыми надѣленъ аббатъ въ вариантѣ X: совершенно эпизодическую фигуру незачѣмъ было «вылизывать». Но отчего роль Моріо въ ходѣ дѣйствія передана Баздѣву? Въроятно для масонскихъ картинъ Баздѣвъ казался Тотому нужнѣе и характернѣе. Онъ не желалъ осложнять введеніемъ «западныхъ элементовъ» трудную задачу изображенія Александровскаго масонства. Быть можетъ онъ хуже и зналъ западное

*) Толстой не очень считался съ классическими требованіями «архитектоники», но и не вовсе ими пренебрегалъ. «Въ Аустерлицкомъ сраженіи, — писалъ онъ въ 1865 году, — мнѣ нужно было, чтобы былъ убитъ блестящій молодой человекъ... Но такъ какъ не только описывать ничѣмъ не связанное съ романомъ лицо, я рѣшилъ сдѣлать блестящаго молодого человека сыномъ стараго Болконскаго».

масонство, какъ вообще все западное. *) А картина масонства въ «Войнѣ и Мирѣ» изумительна и по художественной правдѣ, и по исторической вѣрности, и по «экономнн выраженія»: всего пять масоновъ — и каждый изъ нихъ характеренъ для цѣлей масонской группы: Баздѣвъ — масонъ мистикъ, пережитокъ Екатерининскаго масонства; Безухой — масонъ — моралистъ, прообразъ «кающагося дворянина»; Болконскій — масонъ-политикъ, какимъ былъ Павелъ Педтель; Вилларскій — свѣтскій масонъ: любопытно и *très bien porté*. Борисъ Друбецкой — карьеристъ и честолюбецъ, ищущій въ ложахъ полезныхъ связей.

Совершенно исключительное значеніе имѣетъ составленный Толстымъ конспектъ «Войны и Мира», подробно рисующій его первоначальный замыселъ. Конспектъ этотъ нельзя читать безъ изумленія.

Въ моей книгѣ «Толстой и Ролланъ» я писалъ лѣтъ двѣнадцать назадъ: «Христіанинъ Толстой доходилъ въ своихъ художественныхъ произведеніяхъ до такого издѣательства надъ людьми, на которое не рѣшался ни одинъ профессиональ мизантропій». Я указывалъ при этомъ, что въ «Войнѣ и Мирѣ» можно найти — въ скрытомъ зачаточномъ видѣ — тѣ мрачные мотивы, которые съ такою силой сказались впоследствии въ Толстовскихъ произведеніяхъ періода «Крейцеровой Сوناتы». Критика рѣшительно оста-

паривала сказанное въ названной мною книгѣ.

Опубликованный нынѣ первоначальный конспектъ «Войны и Мира» заключаетъ въ себѣ характеристику каждаго изъ дѣйствующихъ лицъ романа, — характеристику краткую, но очень отчетливую, разработанную даже съ вѣншей стороны почти какъ паспортный формуляръ. Каждому дѣйствующему лицу отводится шесть графъ: 1) *индивидуальное*, 2) *общественное*, 3) *любвное*, 4) *поэтическое*, 5) *умственное*, 6) *семейное*. Почти всѣ задуманные въ конспектѣ дѣйствующія лица такъ или иначе попали въ романъ. Очень многое изъ того, что съ ними происходить, вполне точно изложено въ конспектѣ. Но въ какомъ видѣ они были задуманы!

Будущій князь Андрей (по конспекту «Борисъ») первоначально былъ намѣченъ, какъ «чистый, глуповатый рыцарь - красавецъ». Позже въ графѣ «поэтическое» добавлено: «Въ музыкѣ не смыслить, но вѣрный голосъ. Писать стихи въ альбомѣ».

Объ Анатолѣ Курагинѣ («Петръ»), который по первоначальному замыслу долженъ былъ стать главнымъ дѣйствующимъ лицомъ романа, въ формулярѣ (частью зачеркнутомъ) сказано: «Связь съ сестрой, женой Аркадія *). Подкидываетъ анонимное письмо Аркадію... У Аркадія нельзя

*) Отъ этой черты въ романѣ остался очень смягченный намекъ въ мысляхъ Пьера Безухова: «Анатоль ѣздилъ къ ней занимать денегъ и цѣловалъ ее въ голыя плечи. Она не давала ему денегъ, но позволяла цѣловать себя».

*) Характерная обмолвка: въ XI отрывкѣ вариантовъ онъ два раза говорить объ итальянскомъ королѣ.

брать денег. Опять игра. Сходится съ танцовщицей, бьетъ ее. Поѣхъ со старушками. Шулерничаетъ. *) Убиваетъ за то полковника.

Объ Ильѣ Андреевичѣ Ростовѣ (Толстой отецъ) : **Общест.** Тщеславіе, добродушіе, уваженіе къ знатымъ. **Умствен.** Глупъ, не образованъ совсѣмъ... *Idée fixe* становится — отдать замужъ дочерей (совѣщается съ женой, оба глупы) ... **Искательство Берга** иривается. Не любить дочь. Но плачетъ и невольно обманываетъ приданымъ.

Старая графиня Ростова («Толстая») **Обществен.** *grande dame*, влюбленная, глупая и капризная и добрая. **Любовн.** Вышла замужъ безнадежной старой дѣвой и обожаетъ мужа. **Поэтич.** Любить страшные романы и привидѣнія.

Николай Ростовъ («Николай Толстой»). **Поэтич.** Все понимаетъ и чувствуетъ понемногу. **Умствен.** Ограниченъ, отлично говоритъ пошло. Страстенъ по модѣ. **Любовн.** Никого не любить крѣлко, маленькая интрига, маленькая дружба.

Вѣра Ростова («Лиза Толстая»). **Имуц.** Корыстолюбива. **Обществ.** Чопорна, горда; въ душѣ робка, нелюдима, тщеславна. **Поэтич.** Никакой, кромѣ нарядовъ и желанія возбудить зависть въ сестрѣ. **Любовн.** Никого не любить, но расчувствоваться умѣетъ при всякомъ случаѣ. Начинаетъ изнывать въ дѣвчествѣ, кидаетъ сѣти напрасно. Завидуетъ сестрѣ.

*) Нѣкоторыя черты Анатоля Курагина потомъ повидимому были переданы Долохову. Но въ «Войнѣ и Мирѣ» не указывается прямо, что Долоховъ былъ шулеръ. Есть только легкіе намеки на это.

Любить Берга почти обманомъ.

Наташа Ростова («Наталья Толстая»). **Обществен.** Вѣрять въ себя. Капризна и все удается и всѣхъ тормошить и всѣми любима. Честолюбива. **Любовн.** Просить мужа, а то двухъ, ей нужно дѣтей, и любовь, и посто (?)

Соня. **Поэтич.** Все понимаетъ. Ничего не можетъ отлично. **Любовн.** Какъ сестра, но тверда въ одномъ. **Умств.** Ясна, кротка, но недалеко и не судить, молчалива. **Семейств.** Ея братъ, она стыдится, русомятъ. А въ 12 году показывается себя плохо.

Что сказать объ этихъ **Умственное** : глупъ; **Поэтическое** : Желаніе возбудить зависть въ сестрѣ; **Любовное** : Никого не любить!... Въ такомъ-же родѣ характеристики почти всѣхъ другихъ дѣйствующихъ лицъ, за исключеніемъ княжны Марьи и Пьера Безухова. Добавлю, что старшій князь Болконскій («Волконскій») по конспекту « увлекаетъ—бѣсъ въ ребро—Eulienne» (м-ль Бурьенъ); что Эленъ Безухая, кромѣ любовной связи съ роднымъ-братомъ, имѣетъ еще связь съ царемъ *), а въ 1812 году въ Москвѣ съ французск. генераломъ **).

*) Эта тема, использованная въ «Отцѣ Сергѣи», повидимому занимала Толстого, несмотря на ея нѣсколько оперный характеръ. Это сюжетъ «Фаворитки» Доницетти.

**) Сопоставляю съ этимъ : Соня (или ея братъ? это неясно изъ фразы конспекта) «въ 12 году показывается себя плохо». Бергъ «убирается заблаговременно изъ Москвы; богатѣетъ порученіями». Иванъ Курагинъ «въ 12 году ничего не видитъ, кромѣ спа-

что Бергъ «радь и содѣйствуетъ» смерти жены; что Наташа Ростова отдается Анатолю Курагину и что ея отношенія съ «Петромъ» въ 1812 году неясно опредѣлены фразой: «Онъ раненъ. Она бѣгаетъ отъ него»..

Загробный голосъ Толстого звучить мрачно и невольно останавливаешься въ изумленіи передъ контрастомъ того, что было создано съ тѣмъ, что первоначально хотѣлъ создать Левъ Николаевичъ.

Я не берусь отвѣтить на вопросъ, почему Толстой, какъ Ва-

сенія своего достоянія и карьеры». Приходится заключить, что и настроенія Отечественной войны Толстой первоначально предполагалъ показать ужь во всякомъ случаѣ не совсѣмъ въ томъ свѣтѣ, въ какомъ они представлены въ «Войнѣ и Мирѣ».

лаамъ, благословилъ то, что хотѣлъ проклясть. Впрочемъ, быть можетъ, выраженія эти слишкомъ сильны. Конечно, Наташа Ростова, сцена въ Мытищахъ не соотвѣтствуютъ формуламъ «спросить мужа, а то двухъ», «онъ раненъ, она бѣгаетъ отъ него». Но иногда конспектъ лишь называетъ вещи настоящими именами или грубо-обнаженно обозначаетъ то, что впоследствии было такъ чудесно окрашено волшебникомъ «Войны и Мира». Вѣроятно многое выяснитъ дневникъ Льва Николаевича, если будетъ полностью опубликованъ. Но и конспектъ, напечатанный проф. Грузинскимъ, — документъ огромной важности. Въ немъ съ необычайной силой сказался тотъ глубокий, злой мизантропъ, который всю жизнь сидѣлъ въ Л. Н. Толстомъ и составлялъ — въ художественномъ отношеніи — далеко не худшую его часть.

М. Алдановъ.

Шпенглеръ и Данилевскій

(Два типа культурной морфологіи).

I

Историческая (культурная) морфологія Шпенглера, возникшая изъ духа Гегелевской интуитивной натурфилософіи, уже свыше пятидесяти лѣтъ тому назадъ была предвосхищена почти во всѣхъ своихъ основныхъ воззрѣніяхъ русскимъ естество-испытателемъ-философомъ и теоретикомъ славянофильства Данилевскимъ*).

*) Основной трудъ Данилевскаго: «Россія и Европа» впер-

въ своей теоріи культурно-историческихъ типовъ Данилевскій представилъ аналогичную культурную морфологію, гдѣ, какъ и у Шпенглера, теорія множественности культурныхъ типовъ, вполне автономныхъ и ду-

вые былъ напечатанъ въ журналѣ «Заря» въ 1869 году. Въ 1871 г. этотъ же трудъ появился отдѣльной книгой. Въ нашемъ этюдѣ мы цитируемъ по 5-му изданію «Россія и Европа» (изд. Страхова), Петербургъ 1895 г.